

Рецензии

ПЕТР САФРОНОВ

О силе понятий.

Рецензия на книгу: Бикбов А.Т.
Грамматика порядка:
историческая социология понятий,
которые меняют нашу реальность.
М.: ИД ВШЭ, 2014.

Книга Александра Бикбова — результат многолетних изысканий в области институциональных и смысловых структур (пост)советского интеллектуального пространства, начало которым положено в кандидатской диссертации, защищенной в 2003 г. Как и в многочисленных предыдущих публикациях, часть которых в переработанном виде вошла в рецензируемый труд, теоретико-методологические установки автора находятся под определяющим влиянием концепции П. Бурдьё. Однако в данной монографии бурдьерианский инструментарий используется в необычной для него обстановке исторической социологии. При этом концептуальный контекст исторической социологии как самостоятельной дисциплины (Ч. Тилли, Т. Скочпол, М. Манн и др.) остается вне внимания автора. Книга состоит из методологического введения, трех основных разделов и написанного в свободной форме послесловия, посвященного проблематике академического расизма. Справедливо отмечая неоднородность советского и постсоветского интеллектуального опыта, автор осознанно воспроизводит эту неоднородность в структуре работы, последовательно переходя от перипетий истории понятия «средний класс» в промежутке от 1950-х до 2010-х годов к истории обращения понятий «гуманизм», «личность», «наука», «прогресс» в специфических советских

207

Сафронов Петр Александрович, руководитель магистерской программы «Доказательная образовательная политика» Института образования НИУ ВШЭ. E-mail: psafonov@hse.ru.

Peter Safronov, associate professor in the Institute of Education at Higher School of Economics.

условиях и, наконец, к еще более эзотеричной истории советской и постсоветской академической социологии.

Чем определяется отличие подхода исторической социологии по версии Бикбова от истории понятий, исторической семантики, истории идей? Тем, что основной интерес сосредоточен в области работы понятий, их непосредственного включения в социальные взаимодействия. Когда и как понятия приобретают силу, достаточную для изменения реальности, — таков исследовательский мотив книги. Впрочем, словосочетание «историческая социология» в названии не должно вводить в заблуждение читателя, ожидающего экспозиции некоторой социальной теории: постулируя гомологию семантического и силового, автор мыслит историю как арену политической борьбы между понятиями. Эта борьба, конечно, нечистое дело. Понятия, смешиваясь с классификациями, категориями и даже институтами [с. 37–38], воюют не на жизнь, а на смерть. Но какие именно понятия? Те, что «воюют», или, говоря более сдержанно, «работают». Признавая за реконструкцией понятийной структуры почетное место первого этапа в методическом развертывании исторической социологии, Бикбов, однако, тут же переходит ко второму этапу — силовому (взаимо)действию понятий.

В этой методологической последовательности (игре? битве?) Бурдые всегда опережает Козеллека и Скиннера. Связи понятий прямо отождествляются с социальными позициями, соотношение которых в свою очередь замещает собой суждение. Мыслей как таковых здесь не существует: только ставки в борьбе за власть над реальностью. Методологически (если такой термин здесь вообще уместен) это означает отказ от изучения понятий *per se* и отождествление их с «практическим смыслом» социальных взаимодействий в духе Бурдые [с. 21]. Расстановка социальных сил («грамматика порядка») задает необходимое и достаточное условие мышления. Вопрос о том, что такое понятие, оказывается излишним. Постоянная подозрительность в отношении структуры социальных взаимодействий, пронизанной более или менее скрытыми конфликтами соединяется со своего рода волюнтаризмом в отношении понятий, которым остается лишь исполнять намеченную им роль. Вера в силу понятий парадоксальным образом сочетается с убежденностью в совершенном бессилии мышления, не способного использовать понятия вне предписанных им ролей. Эта же проблема — в закономерном тавтологическом удвоении — захватывает и само понятие «понятие», что, конечно, придает книге Бикбова шарм непосредственной перформативной убедительности. Выбранные им для анализа понятия — «средний класс», «личность», «гуманизм», «научно-технический прогресс» — навсег-

да застывают в определенной роли точно так же, как неизменно влечение к разрыву сложившейся силовой конфигурации, подготовкой условий для которого занимается историческая социология понятий [с. 11]. Здесь-то и начинается самое интересное. Кажется вполне законным предположение, что любое понятие, взятое в отдельном контексте, бесконечно откладывает свое полное исполнение. Вместе с тем использование понятия вновь и вновь покоится на возобновляющейся вере в точность исполнения присвоенной роли. Следовательно, бесконечное повторение понятия в одном и том же смысле диалектически связано с бесконечным возобновлением веры в содержащееся в нем обещание чего-то большего. Что же происходит в том случае, когда какие-либо понятия перестают повторяться, когда для них больше нет роли? Вероятно, исчезает и содержащееся в понятии обещание. Вопреки логике Бикбова (и многих других авторов) именно ритуализация советского языка давала вместе с тем надежду на исполнение обещаний, содержавшихся в понятиях «личность» или «гуманизм». Эти понятия превратились в просто слова позже вместе с крушением советского строя.

Наиболее интересен второй раздел книги Бикбова, посвященный анализу нескольких понятий, которые приобрели широкое распространение в СССР в период позднего социализма. Последовательно реконструируя судьбу терминов «гуманизм», «личность», «научно-технический прогресс», автор стремится показать их превращение в пустые слова, значение которым придают обстоятельства употребления. Бикбов, на мой взгляд, заблуждается в диагностике кризисного момента. Особенно интересна здесь параллель между ростом котировок «личности» и «научно-технического прогресса» в позднем советском социализме. Рост значения науки позволил представителям академических кругов обзавестись «личностью». В результате серии компромиссов за «личностью» закрепился статус своего рода привилегии научно-технической и творческой элиты, в обмен способствующей поддержанию советского режима [с. 205 и далее]. Можно согласиться с автором в том, что фактически все демократические права были приобретены этими группами населения уже до начала перестройки в ходе процесса постепенного «обуржуазивания социализма» [с. 231].

Однако спекулятивная игра на понятии «личность» с успехом продолжилась и после распада СССР. Парадоксальным образом обуржуазившиеся круги бывшей советской элиты, приветствуя установление нового государственного порядка, действовали, недемократически отделяя собственные «личности» от народа России и прямо отказываясь от какой-либо идентификации с интересами

нации в целом. Именно поэтому эпоха беспрецедентного нарушения элементарных прав человека на безопасность, благополучие, здоровье, установившаяся в 1990-е годы, ретроспективно в глазах буржуазной интеллигентской элиты приобрела статус подлинно демократической. Именно в 1990-е годы понятие «личность» превратилось в удобную ширму для определенного институционального расклада, нанесшего огромный ущерб благосостоянию страны и ее граждан. Этот ущерб оказался настолько велик, что вплоть до настоящего момента граждане страны безразлично относятся к идее личного достоинства, несмотря на ее конституционный статус (см. ст. 21 Конституции России).

210 Распад СССР не поколебал сложившуюся систему социальных взаимодействий. В частности, без заметных изменений пережили крушение советского режима центры силы академической социологии. Бикбов объясняет отсутствие заметных интеллектуальных прорывов в российской социально-гуманитарной науке после 1991 неприкосновенностью советских институтов и людей. С таким объяснением трудно спорить в силу его специфического «реализма», всегда готового указать на определенные «вещи» для подтверждения своей позиции. Следуя логике такого объяснения, мы должны согласиться с тем, что прорыв возможен там и только там, где институты создаются с нуля, *ipso facto* свободные от бремени прошлого. Противоположностью институциональной консервации оказывается институциональная (само)колонизация [с. 34–35]. Проблема, однако, заключается в том, что работы с понятиями не производятся ни в одном, ни в другом случае. Иначе говоря, заметной разницы между «советскими» и «постсоветскими» институтами с точки зрения свободы и интенсивности мышления нет: и те, и другие держатся лишь за слова. Так, для «постсоветской» интеллектуальной среды характерна болезненная одержимость словом «институты». Кто-то требует сохранить то, что есть; кто-то предлагает создать новое; между тем никто не заинтересован в мышлении, в работе с понятиями. Дилемму консервация/колонизация невозможно взорвать путем политического действия, потому что это действие до сих пор опирается только на слова, на недопонятия [ср. с. 273], т. е., попросту говоря, неотрефлексировано. В России по-прежнему ощущается всеобщий дефицит мышления, ответственность за поддержание которого в значительной степени несут интеллектуальные элиты. Нужно сначала создавать теории, а уже потом, если потребуется, институты и организации. Завершающий книгу Бикбова призыв к «созданию политической организации внутри Академии» [с. 430] в этом отношении является неуместным. Невозможно создать самостоятельную политическую или любую другую организацию без программы. Невозможно создать программу без длительных пред-

варительных размышлений. Невозможны размышления без вкуса к обстоятельной работе с понятиями. Не пора ли удалить записных активистов с нашей теоретической кухни, чтобы освободить место для граждан?